

чений для других наций привели к общему благоприятному климату межнационального общения, а встречающиеся негативные явления в отдельных сферах резко складываются в систему взглядов.

Рамки рецензии не позволяют дать полный анализ всех основных аспектов книги. Однако нельзя не отметить методологическое значение выводов заключения. Достигнутый уровень знания в области этносоциологии позволил в национальной социально-культурной множественности и многовариантности советских наций выделить два их типа: один, условно названный «европейским», и второй, представленный Узбекистаном («азиатский»? — М. У.) (с. 421—422). Вывод, вытекающий из анализа двух выделенных типов, в общих чертах сводится к выраженной сепаратности социальных и этнических признаков в первом типе и их взаимообусловленности во втором. При этом этнические признаки наций первого типа не менее стабильны, чем второго. Возникает вопрос: на каком именно уровне социально-культурного развития наступает качественно новый характер взаимосвязи социальных и этнических признаков, свойственный нациям первого типа? Чем, в отличие от второго типа, детерминируется устойчивость его собственно этнических признаков?

Возникновение подобных вопросов само по себе уже говорит о необходимости продолжения и углубления этносоциологических исследований, ибо на нынешнем уровне советского обществоведения дать ответ на них может пока только этносоциология.

Рецензируемая монография появилась благодаря настойчивому труду коллектива людей, продолжавшемуся почти два десятилетия и требовавшему выполнения не только творческой теоретической, но и огромной технической работы специалистов. Легко представить ее трудности, зная неудовлетворительное состояние материально-технического обеспечения массовых исследований, в частности почти полное отсутствие компьютерной техники.

В книге, подобной «Социально-культурному облику советских наций», нуждаются не только специалисты, преподаватели, но и практические работники, имеющие отношение к тем или иным аспектам социально-культурного развития советских наций и межнациональных отношений. Остается сожалеть, что столь нужная нашей общественности книга вышла в свет столь малым тиражом (4 тыс. экз.) и сразу стала библиографической редкостью. Думается, что переиздание монографии в кратчайший срок было бы целесообразным и оправданным как с позиций теоретических научных исследований, так и с позиций практики управления многонациональным советским обществом.

М. Я. Устинова

В. М. Мокиенко. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986. 280 с.

Историческая фразеология русского языка как научная дисциплина стала складываться в последние годы. Более 10 лет назад актуальным был вопрос, поставленный автором рецензируемой книги, известным специалистом по русской и славянской фразеологии В. М. Мокиенко: к чему относится историческая фразеология — к лингвистике или к этнографии? ¹ Эта методологическая проблема сейчас уже получила удовлетворительное решение: «На вопрос В. М. Мокиенко, относится ли историческая фразеология к этнографии или лингвистике, можно ответить без особых сомнений: относится к этнолингвистике» ², — дисциплине, изучающей взаимовлияния языка и народной культуры. Монография В. М. Мокиенко представляет собой опыт этнолингвистического подхода к фразеологии: целью исследования является раскрытие того, как «в русской фразеологии отражается внеязыковая действительность (прежде всего элементы материальной и духовной культуры) в исторической ретроспективе» (с. 3). Автор использует (обстоятельно обоснованный им в предыдущей книге) ³ метод «структурно-семантического моделирования, суть которого заключается в сопряжении литературного оборота с его многочисленными вариантами в русских и славянских диалектах и языках» (с. 5). Отметим, что принципы реконструкции фразеологизмов, представляющиеся с строго этимологической точки зрения парадоксальными ⁴, оказываются в чем-то близкими фольклористике: так, если при этимологическом анализе формальное и/или семантическое варьирование слова является помехой, которую нужно «преодолеть», то при генетическом и историческом изучении фразеологии и фольклорных текстов вариантность следует рассматривать как позитивное явление, изначально присущее объекту изучения ⁵. Отличие фразеологизмов состоит в том, что на смену «вариантному

¹ Мокиенко В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопр. языкознания. 1973. № 2. С. 21—34.

² Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 189—190.

³ Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.

⁴ См.: Толстой Н. И. О реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 277—278.

⁵ О вариативности в фольклоре см.: Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л., 1986. С. 107—177.

многообразию» приходит «компонентное единообразие», «антинорму» вытесняет «норма» (с. 33).

В первых двух главах книги по преимуществу рассматривается историко-этимологический аспект проблемы. Для восстановления истории каждого фразеологизма (*заморить червячка, отложить в долгий ящик, тютелька в тютельку, попасть в переплет и др.*) В. М. Мокниенко привлекает большой (в том числе диалектный) материал из русского, славянских и других, родственных и неродственных языков, одновременно вскрывая диалектику национального и интернационального в фразеологическом фонде русского языка. Исследователь опровергает многие наивные (особенно псевдо-исторические) интерпретации устойчивых оборотов, ставшие популярными благодаря известным сборникам С. В. Максимова и М. И. Михельсона. Так, рассматривая выражение *во всю ивановскую*, автор доказывает: связь идиомы с колокольней Ивана Великого или с Ивановской площадью в Москве вторична и имеет народно-этимологический характер. Структура и семантика фразеологизма позволили автору сопоставить его с оборотом *во всю мочь (силу)*; первоначальный облик фразеологизма, по мнению В. М. Мокниенко, — *во всю ивановскую мочь*, где эпитет соотносится с Иваном — персонажем русского фольклора, олицетворением русского национального характера (с. 43—53).

Продолжая мысль автора, добавим: вопрос о связи фразеологизмов с историческими событиями сложен и вряд ли может решаться однозначно. Историческое событие может наложить отпечаток на тот или иной вариант выражения (ср., например, исторические реалии в разных вариантах былин и их оценку в трудах фольклористов), но новой модели может и не создать. Например: *погиб, как швед под Полтавой — погибоша аки обре* — предполагаемое выражение, но не с историческими, а с мифологическими персонажами (великанами) ⁶.

Уже в первых двух главах монографии В. М. Мокниенко показывает неплотность узколингвистического подхода к истории ряда выражений: нельзя, к примеру, понять происхождение фразеологизма *печки-лавочки*, не изучив функции и символические предметы в народной жизни и речи.

Третья («Язычество в языке») и четвертая («Русский фольклор и фразеология») главы имеют этнолингвистический характер. Стремясь найти во фразеологии следы древнего язычества, автор так формулирует свою задачу в третьей главе: «Язык, сохранивший следы различных этапов мифологического освоения природы и общества человеческим сознанием, в сущности и сам представляет собой многослойный миф. Отслаивая пласт за пластом этого мифа, мы постепенно проникаем в глубины древнего мировоззрения» (с. 133). Далее раскрываются древняя семантика выражения *род-племя* в связи с культом Рода, эволюция семантики слов *идол, кумир, болван* и разных сочетаний с ними, первоначальный смысл оборотов *сам не свой, черта лысого, на чем свет стоит, бог послал*. Это, думается, наиболее удачные этюды в данной главе, поскольку в них автор последовательно снимает «пласт за пластом» древней семантики. Методическая строгость позволяет избежать двух опасностей: лингвистического ланмифологизма и подмены мифологии славян какой-то другой (существовавшей или конструируемой). Но иногда В. М. Мокниенко не до конца следует своей методике, и тогда полученные выводы представляются нам весьма спорными. Так, по мнению исследователя, междометное выражение *Бог (боже) мой!* «сохраняет следы прежнего многобожия» и указывает на «возможность обращаться... именно к своему божеству» (с. 137). Вряд ли ссылка на римских домашних богов является достаточным аргументом в пользу такого предположения. Не правильнее ли видеть здесь калку с французского *Mon dieu?* ⁷ Важно восстановить всю цепочку смысловых трансформаций фразеологизма; возможна контаминация исконного и заимствованного оборотов.

Рассматривая фразеологизм *после дождичка в четверг*, В. М. Мокниенко предпринимает попытку соотнесения каждого из верховных языческих богов древних русичей с определенным днем недели (с. 161—164), апеллируя к мифологическим системам романских и германских народов. Для того чтобы эта гипотеза стала более вероятной, необходимы дополнительные аргументы — данные археологии, этнографии, памятников письменности.

Когда автор выявляет следы имен славянских богов в лексике современного русского языка, он рядом с Перуном, Хорсом, Мокошью и другими называет и Ладу, причем имеются в виду два бога: *Ладо* (мужского пола) и *Лада* (женского) (с. 145—148). Следовало бы, на наш взгляд, упомянуть о том, что Лада, как и Лель, нам известна из относительно поздних источников, и потому лингвисты по традиции, идущей от А. А. Потебни и А. Брюкнера, скептически относятся к достоверности этих сведений, подозревая здесь семантизацию популярных песенных припевов ⁸.

Автор вслед за Н. И. Толстым справедливо говорит о том, что миф не умирает в языке: «...язык наш продолжает хранить память о мифологических образах»

⁶ См.: Буславев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С. 123; Байбури А. К., Левинтон Г. А. К проблеме «у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов»//Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 232—233.

⁷ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры//Тр. по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. 24 (Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 358). Тарту, 1975. С. 248—249.

⁸ Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология//Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 454.

(с. 196). Однако этот тезис нуждается в дополнении: мифологизм не только сохраняется как память языка, но и может обновляться и даже развиваться в языке (ср. процесс ремифологизации и явление неомифологизма в культуре). Так, воздействие представления об «одевающем, дающем боге» (отражения этого представления в языке обстоятельно рассмотрены в книге на с. 130—137) на частицу *авось*, первоначально имевшую узкое значение «а вот здесь/сейчас», видимо, и сыграло решающую роль в том, что это слово стало «Шиболетом народным» (А. С. Пушкин).

В четвертой главе монографии В. М. Мокиенко рассматривает фразеологический аспект проблемы, поставленной еще П. М. Бицилли⁹: какова роль фольклора в становлении фразеологии современного русского литературного языка? Автор изучает происхождение ряда фольклорных формул (*жили-были, гой-еси* и др.), рассматривает разные их этимологические версии, причем анализ ведется в широком лингвистическом и этнографическом контекстах. Многие частные замечания имеют прямой или опосредованный выход в теорию. Сопоставляя одну из характерных «формул невозможного» (П. Г. Богатырев)¹⁰ — (*когда песок по камню взойдет*) — со скотоводческим обрядом опахивания, он высказывает мысль о том, что «формула... породила реальное действие» (с. 213). В данном случае затронута очень сложная и исключительная важная проблема, стоящая перед этнолингвистикой: каков характер отношений между фразеологизмом и обрядом, что чему предшествует. Полемика с В. В. Колесовым по вопросу о происхождении выражения *сказка про белого бычка* (с. 237—243) важна и поучительна не только сама по себе, но и в теоретическом плане, что очень точно сформулировал автор: «Возможно ли полное смысловое „переодевание“ исконого оборота?». Тонкий анализ поговорки *тише воды, ниже травы* показывает, что именно фольклорная символика определила здесь выбор реалий.

В. М. Мокиенко убедительно доказывает, что «переход свободного сочетания в идиому обычно вызван переключением „жанрового регистра“, т. е. перемещением формулы из фольклорного текста в текст художественной литературы» (с. 224—225). В этом плане рассмотрен путь из фольклорной во внефольклорную речь ряда выражений: *красная девица, белый свет, живая вода и мертвая вода*. Что касается двух последних, то необходимо подчеркнуть, что в фольклоре они противопоставляются синтагматически (сюжетно), в литературном языке — парадигматически (антонимически). Символ *живая вода* (известный мифологиям многих народов) встречается и в древнерусской литературе¹¹ — следует учитывать и книжное влияние на его современное употребление.

Итак, В. М. Мокиенко написал очень нужную и своевременную книгу. Отдельные отмеченные в рецензии спорные моменты свидетельствуют, в первую очередь, о том, что славянская этнолингвистика (и историческая фразеология как ее составная часть) находится в процессе становления, ее методы — в стадии выработки и апробации. На этом этапе особенно важны работы, в которых поставлены новые проблемы и намечены пути их решения. Именно таким «открытым» исследованием и являются «Образы русской речи».

Я. И. Гин

⁹ Бицилли П. М. Заметки о роли фольклора в развитии современного русского языка // Городишник на Софийския университет. Историко-филологический факультет. София, 1944. С. 1—53.

¹⁰ Богатырев П. Г. Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Посвящается V Международному съезду славистов. Уфа, 1962. С. 347—363.

¹¹ См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 50, 122.

Фольклор Русского Устья / Отв. ред. Азбелев С. Н., Мещерский Н. А. Л., 1986.

Вышедший в 1986 г. сборник «Фольклор Русского Устья» представляет собой один из томов издающейся уже около четверти века серии «Памятники русского фольклора». По содержащемуся в нем материалу он является одним из наиболее ценных томов этой серии. Работа подготовлена Ин-том русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) и Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Основу публикаций составили рукописи, хранящиеся в архиве Якутского филиала СО АН СССР и в Якутском университете (записи Н. А. Габышева 1946., М. А. Кротова 1931 г., С. Боло 1941 г., записи экспедиций 1960—1970 гг.), а также хранящиеся в Ленинграде записи 1928 г. Д. Д. Травина и записи совместной экспедиции Пушкинского дома и Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР 1977 г., произведенные С. Н. Азбелевым и Ю. Н. Дьяконовой. Все они публикуются впервые. При комментировании неизданных текстов использованы ранее опубликованные записи И. А. Худякова, В. М. Зензинова, А. Л. Биркенгофа. Таким образом, сборник отразил результаты собирательской работы в Русском Устье примерно за 100 лет и заключает в себе почти все произведения русского фольклора, когда-либо здесь записанные.

Селение Русское Устье, расположенное при впадении р. Индигирки в Ледовитый океан (северо-восточная часть Якутии), занимает, как об этом говорится в предисловии, особое место в истории русского народа. Селение существует более трех с половиной столетий. Согласно местным преданиям, оно основано русскими выходцами с